

Послесловие

ГУМАНИЗМ СТАНИСЛАВА ЛЕМА – *SUMMA POLITOLOGIAE*

Околовский Павел

Варшавский университет, Факультет философии

Перевёл с польского с рукописи Язневич Виктор

1

«Краткие заметки о гуманизме» Станислава Лема энигматичны (загадочны). Попробуем дать им экзегезу (толкование). Любое мировоззрение (а значит, и любая академическая философия) – это гуманизм. Иначе и быть не может, поскольку его строит и развивает именно человек – со своей точки зрения и для себя. А так как существует два вида гуманизма и их дальнейшие варианты, то поэтому Лем и говорит, что гуманизм «пятнистый». Первый вид предполагает, что человек служит миру (космоцентризм), а второй – что мир служит человеку (антропоцентризм). Возможно, что в каждой популяции (произвольной группе людей) процент обоих видов «гуманистов» постоянен изначально. Иначе обстоит дело с социальным господством одних людей над другими, потому что это вопрос веры, и она эволюционирует. Однако все земные цивилизации производили только космоцентризм, кроме нашей (научно-технической, христианской), которая одна дала и то, и другое. Лем был космоцентричным гуманистом, в этом нет никаких сомнений. Однако вместо космоцентризма лучше говорить аксиоцентризм (от греч. *αξιος*, *axios* – ценность), поскольку речь идет по существу о служении автономным ценностям: делать *то, что должно* служить миру. Антропоцентричный гуманизм, напротив, требует стремления лишь к реализации неавтономных, то есть жизненных ценностей, к удовлетворению естественных потребностей людей. Можно также сказать, что аксиоцентризм – это гуманизм человечества, а антропоцентризм – человечности.

В мировоззрении рядом с системой благ стоит образ мира. А внутри последнего есть два способа восприятия человека: для одних он целиком часть природы, потому что нет ничего, кроме природы (натурализм); для других человек выходит за пределы Природы (в человечность или в античеловечность). В своём мировоззрении мысль Лема была непоправимо расколота: в общей метафизике он оставался натуралистом, а в философии человека – антинатуралистом. Мир объяснял без трансцендентности, признавая в то же время, что без трансцендирования природы невозможно объяснить поведение человека (с его человечностью). Можно устранить это противоречие и изменить систему мышления, хотя это было не в силах сделать самому Лему. Таким он был. Зато этот раскол постоянно добавлял драматизм, а значит и художественную привлекательность его прозе. Более того, она привлекала как натуралистов, так и антинатуралистов.

2

И аксиоцентричный, и антропоцентричный гуманизмы бывают двух версий: коллективистской и индивидуалистической. Христианская цивилизация основывала свой аксиоцентризм на Боге – указывающем людям определенные ценности для коллективного осуществления. Именно поэтому его называют «теоцентричным гуманизмом» (хотя, как и китайский, он ориентирован на выполнение особых обязанностей). За две тысячи лет этот гуманизм дал самые яркие плоды в истории (наряду с искусством – совершеннейшую нравственность, и единственный в истории – государство права и демиургическую научно-техническую мощь). Вот почему Лем говорил: «Я вовсе не считаю, что все религии равнозначны (...), христианство лучше, чем ислам (...). (...) надо благодарить Бога, что мы живем в католической стране (...)» [1, с. 516].

Однако с отходом людей от Бога этот гуманизм стал подвергаться быстрой эрозии (в отличие от китайцев, для которых гарантом ценностей является не Бог, а безупречные

предки). Во-первых, стал набирать силу аксиоцентричный индивидуалистический гуманизм, ищущий спасения души в одиночку. Затем наступила эпоха антропоцентризма – прежде всего коллективистского. Атеистический социализм и либерализм, отстаивавшие первый равенство, а второй свободу, чтили – по инерции – другие великие «теоцентричные» ценности: истину, справедливость и любовь. Ими уже двигала вера в прогресс, а не в Бога. Пока не наступила эпоха индивидуалистического антропоцентризма, то есть гуманизма без веры (без веры в спасение души, но с верой в различные мифы). Крайним его выражением является постмодернизм, названный Лемом нигилизмом. (Автор не хочет называть его представителей, но мы можем это сделать: например, Жак Деррида или Зигмунд Бауман.) Нигилисты не верят ни во что, кроме себя. Имея в своем распоряжении благополучие и цивилизационные инструменты, созданные прошлыми поколениями, они хотят только потреблять, то есть удовлетворять личные естественные потребности. Лему такой паразитизм был противен, его он назвал «приятной лёгкой жизнью с мордой в сметане» [2, с. 529]. Ниже этого дна – говорил он – опуститься невозможно, это «путешествие к краю тьмы». Хотя постмодернизм и поставил под сомнение веру в прогресс («родом из эпохи Просвещения»), с чем как раз согласен Лем, он больше всего подорвал правомерность знания, моральности и красоты. Этот «оппортунистический лессеферизм» не позволяет обществу вмешиваться в индивидуальные фантазии и прихоти. Это мусор, – заключает Лем, – историческая тенденция, не имеющая значения. Вот почему автор «Суммы технологии» на пороге XXI века предвещает возрождение гуманизма с его великими идеями, предвещает некий Новый Ренессанс. Делает он это, однако, очень тонко, пишет: я верю, хотя моя надежда слаба (*contra spem spero*). О чём речь?

3

Этот вопрос требует знания многих взглядов Лема, поэтому текущий комментарий больше краткого комментируемого текста. Итак, произойдёт «реанимация основных составляющих гуманизма», ибо в истории, и даже в Космосе, кроется некая цикличность. А мир управляется случайными процессами. После увеличения энтропии должно произойти усиление порядка, вот и всё. Лем верит в возрождение разума согласно того же принципа, по которому считается, что после засухи или наводнения наступает хорошая погода. Надежда слабая, поэтому не приводятся даты. В мировоззрении Лема большую роль играют случайные процессы («Философия случая»), этого никто не будет отрицать. Натурализм даже заставил его произвести большую, глубокую теологическую ложь – породить эпикурейскую идею Бога, «который ошибочно предвидит будущее своих творений» [3, с.277]. Что ж, Творец не ограничен во всеведении, ведь оно касается вечности, а не будущего. Бог видит всё, что может произойти, но футурологически – можно сказать – он «беспечный», «играет с мирозданием в кости» [4, с.142]. Можно также сказать, что в глазах Бога в конечном итоге в этом мире выпадет покер, и известно, какие карты могут выпасть на пути, но какие на самом деле выпадут – это не имеет значения. Покером в области квантовой физики была таблица Менделеева и жизнь, в биологической эволюции – разум, в культуре – спасение от зла, то есть максимум реализованных ценностей. Ибо почему Лем пишет о «загадочности мироздания, связанной с его категориальной неопределённостью. Чем дольше исследовать Космос, тем отчётливее виден содержащийся в нём план» [4, с.218]?

Возвращаясь к «слабой надежде Лема», во-вторых, скажем: существование развитой технологии предполагает необходимость её контроля мощью государства. Поэтому неизбежен авторитаризм – гуманизм, но и авторитаризм. Технологию разрывают на части капитал и государство. В руках капитала – который её порождает – она ведёт к потребительству, а потому к разрушению всякого общества и государства. Поэтому конфликт между капиталом и государством неизбежен. Ибо капитал аксиофобен, ориентирован только на прибыль (отсюда, как следствие, мошеннический нигилизм постмодернизма). Ещё полвека назад Лем писал, что нужно «лозунг интересов всего

человечества начертать на знамёнах» [5, с. 186]. Однако он быстро осознал, что это невозможно, ведь мир «многообразен» – в нём есть неустранимые племенные, национальные и цивилизационные напряжённости. Коллективистский антропоцентричный гуманизм (например, «светский гуманизм») не может справиться с миром потому, что он всегда местнический – с возможным «исправлением», а в конце с геноцидом для чужих. Справиться может только универсальный аксиоцентризм, а это всегда означает какую-то теократию. Поэтому надежда призрачна.

4

В современном мире в игру вступают две модели государства: либо плутократический авторитаризм, при котором власть двусторонняя – капитал *versus* партия (Россия, Китай), либо еkkлезиально-плутократический авторитаризм (Запад). В последнем власть тройственна: капитал – партия – церковь. Как «тренога» эта модель более устойчива, к тому же партия «сдвигаема» (демократически); это приносит большую свободу и большой урожай ценностей. Так или иначе, мир ждёт теократический гуманизм с властью священников, быть может, везде плутократический (на русский или китайский лад). (Это удивительно согласуется с работой «Новое средневековье» Николая Бердяева.)

5

В «Мгновении», через год после «Кратких заметок о гуманизме», Лем придерживался своей веры из «Суммы технологии» – что «мы догоним Природу». Он писал: «(...) речь не идёт ни о чём большем, как лишь о возможности, ибо мы можем исчезнуть, кто знает, не вместе ли со всей биосферой» [6, с. 611]. Речь идёт о полной расшифровке ДНК – созидательного языка Космоса. Для этого, прежде всего, необходим аксиоцентричный гуманизм, с истиной как высшей ценностью, а значит знание, «накопленное бескорыстно, обращённое ко всему существующему – знание чистое, на первый взгляд бесполезное» [7, с. 48]. Но что тогда? Из-за первородного греха появляется распутье: либо путём автоэволюции, то есть вмешательства в случайные процессы, мы вступаем в столкновение с Природой и уничтожаем себя, либо – посредством гуманистического деспотизма – устанавливаем неприкосновенность своей ДНК, «первородное табу». Вот для чего нужен гуманизм. Случайные процессы могут быть благом. Вмешиваться в них – это равносильно шулерству в картах, это уничтожает игру. Единственное отличие в случае с геномом человека состоит в том, что шулеру ничего не угрожает, а просто вообще исчезает будущее. В этом может быть смысл «Кратких заметок о гуманизме».

Литература

1. Так говорил... Лем / Перевод В. Борисова и В. Язневича. – М.: Издательство АСТ, 2006, 764 с.
2. Lem S., *Sława i Fortuna. Listy do Michaela Kandla 1972-1987.* – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2013, 736 s.
3. Лем С., Солярис / Перевод Д. Брускина. – М.: Издательство АСТ, 2014, 288 с.
4. Лем С., Голем XIV / Перевод К. Душенко. – М.: Издательство АСТ, 2020, 224 с.
5. Лем С.. Глас Господа / Перевод А. Громовой, К. Душенко и Р. Нудельмана. – М.: Издательство АСТ, 2010, 288 с.
6. Лем С., Мгновение / Перевод В. Язневича // В: Лем С., Молох. – М.: Издательство АСТ, 2005, 784 с. (с. 573-681).
7. Лем С., Сумма технологии / Перевод Ф. Широкова и В. Язневича. – М.: Издательство АСТ, 2020, 736 с.